

себя в Киев. Излагая этот эпизод, автор повести о смерти Ростислава здесь, в отличие от других эпизодов той же повести, даже не пользуется агиографической фразеологией: рассказ точен, конкретен, как и все летописные рассказы.

Нет оснований сомневаться в достоверности и ряда эпизодов повести об убийстве Игоря Ольговича, судя по содержанию и способу изложения; имею в виду сцену веча на княжем дворе, где киевляне, разгоряченные рассказом Изяславова посла о „льсти“ черниговских князей, неожиданно принимают решение убить Игоря; слова, с которыми обращается схваченный убийцами Игорь к подъехавшему к монастырю святого Феодора Владимиру Мстиславичу: „Ох, брате, камо мя ведуть?“, — слова, вопреки логике предшествующего изложения, проникнутые тоскою и страхом (стр. 248); сцену убийства Игоря со всеми ее натуралистическими подробностями.

В повести об убийстве Андрея Боголюбского документальные эпизоды периодически нарушают агиографический строй повествования; напомним известную сцену убийства Андрея: когда наступила ночь, заговорщики направились к опочивальне князя, но здесь их объял „страх и трепет“; тогда они пошли в „медушу“ и стали пить вино, и только после этого снова подошли к дверям спальни князя; один из них, чтобы обмануть бдительность князя, стал звать, стоя у дверей: „Господине, господине!“ — „Кто есть?“ — спросил Андрей. „Прокопы“, — ответил тот. Князь усумнился. Поняв это, заговорщики стали бить в дверь и выломали ее. Все это несомненно записано со слов очевидца событий 1175 г., и доля „документальной“ правды в рассказе есть, как есть она и в последующем рассказе о том, как заговорщики, услышав стоны князя (в повести сказано: „начат ригати и глаголати в болезни сердца“), поняли, что он еще жив, и пошли его искать, засветив свечи. Последующие за убийством князя события в изложении автора производят впечатление в ряде случаев типичного летописного рассказа; — например, сцена ночного грабежа княжеского имения, диалог Кузьмища Киянина с ключником Амбалом, рассказ о том, как пьяные заговорщики не разрешили Кузьме поставить тело убитого князя в церкви („божнице“), как два дня и две ночи тело князя лежало на паперти, пока не пришел игумен Козьмодемьянского монастыря Арсений и не настоял, чтобы тело князя перенесли в церковь, рассказ о народном восстании в Боголюбове, о решении владимирцев перенести тело князя из Боголюбова во Владимир и там похоронить его, о траурном шествии из Боголюбова во Владимир.

Элементы „документального“ отражения действительности нередко в повести вступали в прямое противоречие с агиографическим строем ее изложения. В особенности интересны в этой связи два эпизода — один в повести о смерти Ростислава, другой — в повести об убийстве Андрея Боголюбского.

Ростислав ежедневно („по вся дни“), по утверждению автора, напоминал Печерскому игумену Поликарпу о своем желании непременно по-